

**Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО**

1917-2017: уроки столетия

*100-летию революционных событий в России,
100-летию восстановления Патриаршества посвящается...*

**Материалы XXVII-ых Духовно-исторических чтений
памяти святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия**

Томск – 2018

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В РАССКАЗЕ В.Д. КОЛУПАЕВА «КАКИЕ СМЕШНЫЕ ДЕРЕВЬЯ!»

Морозова И.В.

Томский государственный университет

Рассказ «Какие смешные деревья!» впервые был опубликован в 1975 г. в антологии «Ошибка создателя». В ней были представлены произведения В. Колупаева, Д. Константиновского и Г. Прашкевича. Кроме рассказа «Какие смешные деревья!», в антологии были впервые напечатаны рассказы «Любовь к Земле», «Улыбка», «Печатающий механизм», «Спешу на свидание», «Две летящие стрелы». Рассказ вошел в первое собрание сочинений В.Д. Колупаева в трех томах, опубликованное в 2017 г., и был дважды переведен на английский [1] [2], а также на французский [3] и немецкий [4] языки.

Для прозы В.Д. Колупаева характерно обращение к нравственным проблемам человечества. В проанализированных нами ранее произведениях им поднимались темы войны и мира («Самый большой дом» (1974)), любви и взаимодействия человека и системы («Молчание» (1977)), агрессии и терпения («Толстяк над миром» (1980)). В рассказе «Какие смешные деревья!» автор акцентирует внимание читателей на семейных ценностях и их реализации во время войны. Думается, что выход в свет данного рассказа в 1975 году не случаен – в этом году праздновалось тридцатилетие окончания Великой Отечественной войны (1941-1945).

А. Казанцев отмечает в этом рассказе видение, которое является главному герою в предсмертные минуты, и предполагает, что в пограничных ситуациях человеку видится «не прошлая жизнь, а мечта о том, что могло бы быть» [5]. Кроме того, критик подчеркивает, что в образе смешных деревьев ощущается «нечто тревожное» [5], и заключает, что с помощью использования образа неземной жизни отражаются реальные события, а именно уродство войны. Иной взгляд на рассказ появляется в рецензии М. Черненко, советского и российского писателя, автора сочинений детективного жанра на сборник «Билет в детство» (Новосибирск, 1977). Автор выделяет проблему контакта с чужими цивилизациями в рассказе «Какие смешные деревья!» и подчеркивает, что В. Колупаев «не отрицает возможность существования других цивилизаций» [6. С. 191]. Молодой исследователь А. Бразовская также выделяет две взаимосвязанные между собой пространственные среды в рассказе – реальную жизнь и галлюцинации,

противостоящие друг другу. В то же время выделенные критиком два хронотопа в рассказе оказываются тесно связанными, и эта связь необходима автору для того, чтобы выразить свои аксиологические приоритеты.

Главным героем рассказа является советский солдат Василий, находящийся на поле боя во время Великой отечественной войны (1941-1945). Солдата контузило, он теряет сознание, и у него появляется видение, в котором действие разворачивается на космическом корабле, путешествующем по просторам Вселенной. Рядом с Василием находятся его дети – сын Сандро, дочери Оза и Вина. Бороздя просторы Галактики, они обнаруживают неизвестную планету. Главный герой решается сойти на нее с детьми. Несмотря на отсутствие цивилизации, они замечают движение, которое исходит от деревьев, семена их разлетаются по территории планеты и с молниеносной скоростью вырастают и умирают. Предчувствуя опасность для своих детей, Василий дает команду возвращаться на борт корабля. Однако главный герой скоро вновь спускается к планете. В этот момент его сознание возвращается к реальности, и он погибает.

Темы войны и семьи нашли свое отражение в образе смешных, необычных деревьев, населявших неизвестную планету. В мировой культуре образ дерева является одним из центральных архаических первообразов. Мировое древо является соединяющим звеном «между тремя мирами: верхним (небом), средним (земным, ствол), нижним (преисподней, корнями)» [7. С. 105]. Кроме того, с помощью мирового дерева разделяется временная и генеалогическая сфера (прошлое / предки, настоящее / ныне живущее, будущее / потомки). В религиозной традиции образ дерева обладает несколькими значениями. Во-первых, дерево является источником жизни на земле; во-вторых, оно ассоциируется с церковью; в-третьих, является выражением образа Господа Бога («Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой — Виноградарь; всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» [8]); в-четвертых, символизирует единство. Кроме того, в евангельских сюжетах присутствует два образа дерева, а именно Древо жизни и Древо познания добра и зла, представленные в библейской Книге бытия. Плоды Древа жизни даруют вечную жизнь, в то время как плоды Древа познания - осознанное понимание добра и зла.

Дерево в рассказе Колупаева становится носителем агрессии и смерти, а не зарождения новой жизни, что отражает опосредованно авторскую оценку войны как таковой, которая трансформирует жизнь. Диковинные, на первый взгляд, смешные деревья изображаются

черными и обладают неправильной формой «параллелепипедов» [9. С. 513]. Колупаев акцентирует внимание на том, что уже даже при своем развитии и росте, когда сила жизни должна бить ключом, «побеги успевали изломаться и осыпаться на почву» [9. С. 513]. Кроме того, плоды, которые приносят данные деревья, напоминают собой пули и снаряды («... оно заострено спереди, чтобы лучше проникать в почву ... Видите, как оно вгрызается в почву?» [9. С. 514]). Важно отметить, что ироническое представление возникает у героев благодаря антитезе живых диковинных деревьев и мертвой цивилизации на неизвестной планете («... так контрастировало с остальным замершим, уснувшим миром, что невольно вызывало восторг и радость» [9. С. 514]).

Также хотелось бы обратить внимание на сравнение смешных деревьев с фонтаном: «Побеги росли на глазах, превращаясь в высокое дерево, напоминающее красивый фонтан» [9. С. 513]; «странное черное дерево, похожее на фонтан, выросло перед ним, и десятки его частичек впились в тело» [9. С. 518]. В традиционном понимании фонтан символизирует источник бессмертия, духовной жизни и спасения. В рассказе «Какие смешные деревья!» создается иной образ. Выплеском своих убийственных семян деревья напоминают в большей степени взрывы снарядов, нежели благодатный родник.

В произведении тема семьи реализуется в образе отца и его детей. О матери упоминается дважды: в футуристичном сюжете («...свою жену, которая сейчас была в далекой экспедиции» [9. С. 512]) и в реальности, в предсмертных воспоминаниях («Как там жена-то одна с ними троими?» [9. С. 518]). В образе отца эксплицируется и привычный для послевоенной прозы жертвенный образ защитника. Пытаясь обезопасить себя и своих детей, отец погибает при повторном сошествии на неизвестную планету. В реальности Василий погибает на поле боя, защищая свое Отечество и семью.

Важно отметить, что в рассказе прослеживается различие на уровне номинации отца в репликах детей. Дочери, Вина и Оза, преимущественно называют отца или «папка», или «папа»: «Папка, ну скорей же! – не выдержала Вина» [9. С. 510]; «Папа, - сказала Вина. – Я хочу туда» [9. С. 515]. Что касается сына Сандро, то он обращается всегда к главному герою «отец»: «Я помогу ей, отец» [9. С. 509]; «Отец, - сказал Сандро. – Здесь существует какая-то цивилизация» [9. С. 511]; «Они живые, отец» [9. С. 512]. Думается, что различие в номинации обусловлено, в первую очередь, разницей в возрасте детей. Скорее всего, Сандро являлся старшим ребенком в семье, и уже стал перенимать поведение и черты характера у своего отца. Употребляя в номинации

слово «отец», Сандро выражает уважение и почтение к своему отцу. В репликах девочек, наоборот, прослеживается трепетность и любовь.

Особое значение в рассказе «Какие смешные деревья!» имеет образ детства. Безусловно, в большей степени он эксплицируется в действиях и репликах младшей дочери Вины. Именно она замечает необычность деревьев и сходство звезд на неизвестной планете с людьми: «Да. Какие смешные здесь деревья! – с восторгом сказала Вина. – Они растут на глазах!» [9. С. 512]; «А эти пятиконечные звезды очень похожи на людей, – сказала Вина» [9. С. 517]. Маленькая героиня никогда не сдерживает свои эмоции, свою радость: «Вина не выдержала и завизжала от восторга» [9. С. 510]; «Папка, мы будем ходить по ней?! – радостно крикнула Вина» [9. С. 510]. В репликах ее брата и сестры также выражается детская наивность, детское восприятие, однако в силу старшинства героев они проявляются меньше: «Дерево! Это дерево! – кричали дети и собирали комочки, на которое оно рассыпалось» [9. С. 514]; «Вот здорово! – кричали дети» [9. С. 515].

В результате в рассказе «Какие смешные деревья!» томского писателя фантаста прослеживается особое авторское восприятие семейных ценностей и образа отца.

Литература

1. What Funny Trees! / Translated by Helen Saltz Jacobson // Hermit's Swing. – New-York: Macmillan Publishing Co., Inc., 1980. P. 57-68.
2. Strange Trees / Soviet Literature Monthly. – 1984, № 2/431. P. 87-94.
3. Quels drôles les arbres! / Patrice Lajoe // Fusée 05. Dimension URSS. – Pampier: Rivière Blanche, 2009. P. 138-149.
4. Was für komische Bäume // Lichtjahr 2. – Berlin: Verlag Das Neue Berlin, 1981.
5. Казанцев А. О сборнике «Ошибка создателя»: [предисл. к кн.] // Колупаев В. Ошибка создателя: фантаст. рассказы и повести: [коллектив. сб. сб. фантастов] / В. Колупаев, Д. Константиновский, Г. Прашкевич. [Электронный ресурс]: Электронная библиотека RoyalLib.Com., 2005 – 2018. – URL: <https://royallib.com/> (дата обращения: 17.01.2018).
6. Черненко М. [Рецензия] // Сибирские огни. – 1978. №11. С.189-191.
7. Кругликова В.П. Симвоико-мифологические аспекты образа дерева в русской народной традиции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки – 2010 С 104-108
8. Евангелие от Иоанна [Электронный ресурс]: РПЦ Официальный сайт Московского патриарха. – М.: Patriarchia.ru, 2005-2018. URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 21.01.2018).
9. Колупаев В.Д. Жизнь как год. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести, рассказы. – М.: Престиж Бук, 2017.